

К 85-летию со дня
рождения Ц.И. Грин

Ци́лия Иосифовна Грин,
старший научный сотрудник
Российской национальной
библиотеки,
заслуженный работник
культуры
Российской Федерации,
кандидат исторических наук

«Тень Данте с профилем орлиным...»: О.А. Добиаш- Рождественская — человек и гражданин

Трагическая симфония мира
не исчерпана, а только начинается...
О.А. Добиаш-Рождественская

В 80-х гг. XIX в. известный писатель и историк Д.Л. Мордовцев опубликовал художественный очерк «Видение в Публичной библиотеке» [8]. Легенды, предания, исторические события воскресают на его страницах. Заговорили книги и их герои, атмосфера библиотеки наполнилась голосами, книги и рукописи напомнили о тех, кто их собирал и хранил. Можно по-разному относиться к достоинствам этого сочинения, но в нем чувствуется причастность происходящего в библиотеке к мифологии культуры, к художественному осмыслению русской истории.

Существовало много причин, которые побуждали сочинителей исторических романов и повестей переносить место действия в Публичную библиотеку, а самих библиотекарей — делать их героями: вовлеченность этого учреждения в исторический процесс, собирание и хранение в ее стенах рукописного и книжного наследия нации, многоликое сословие читателей, пестрое по своему социальному положению и духовным устремлениям, но единое в своей привязанности к «лучшей русской библиотеке России» (А.И. Солженицын). И наконец — целая плеяда замечательных людей, отдавших самую значительную часть своей жизни Публичной библиотеке. Здесь они служили книге и читателям, общались с писателями, поэтами, учеными, общественными деятелями, здесь в судьбоносные для России годы делали свой гражданский выбор. «Жизнь ума и сердца» И.А. Крылова, А.А. Дельвига, В.Ф. Одоевского, А.Ф. Бычкова, В.В. Стасова, Д.В. Философова, М.Л. Лозинского и других деятелей науки, литературы, искусства, служивших в Библиотеке, вместила в себя наряду с библиотечными буднями и встречи с эпохой, ее людьми. История Публичной библиотеки, являясь частью истории русской интеллигенции, всегда привлекала к себе внимание беллетристов.

Цилия Иосифовна Грин (1921—2004) — историк, тонко чувствующий суть временных процессов разных эпох и связь между ними. Поэтому ей — исследователю преимущественно российской истории XX века, оказались близкими труды медиевиста О.А. Добиаш-Рождественской. Немаловажно и то обстоятельство, что героиня статьи Ц.И. Грин служила 17 лет в Государственной Публичной библиотеке и потенциально воспринималась как коллега.

Сама Цилия Иосифовна провела в Библиотеке более полувека, работая в разных отделах, зная жизнь этого уникального хранилища изнутри и став крупнейшим исследователем истории Библиотеки от начального периода (конец XVIII столетия).

Ц.И. Грин окончила в 1946 г. исторический факультет Ленинградского государственного университета, а в 1947 г. стала штатным сотрудником Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В течение многих лет она возглавляла сначала сектор библиографии в Научно-исследовательском отделе библиотековедения и библиографии, а затем (с 1968 г.) — Отдел научно-информационной и рекомендательной библиографии (ныне Отдел библиографии и краеведения), однако главным для нее была научно-исследовательская работа.

В 1954 г. Ц.И. Грин защитила кандидатскую диссертацию по теме «Мемуарная литература по истории международных отношений начала XX века как исторический источник». С 1955 г. она занималась исследовательской работой, непосредственно связанной с Публичной библиотекой. Одним из направлений стала (в различных аспектах) история этого уникального книгохранилища. В 1957 г. в «Трудах» Библиотеки была опубликована статья Грин «Публичная библиотека в период первой русской революции», в 1963 г. вышла монография «История Государственной ордена Трудового Красного знамени Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина», для которой Ц.И. Грин написала основные главы. В 1994 г. в «Историко-библиографических исследованиях» (Вып. 4) была опубликована работа «"Время собирать камни": Изучение истории русской библиографии в Публичной библиотеке». Одна из самых масштабных работ по истории Библиотеки — хрестоматия «Публичная библиотека глазами современников» (в соавторстве с А.М. Третьяк) в двух томах, охватывающих период с 1795 по 1929 г. с большими историческими предисловиями и комментариями к включенным документам.

В научном наследии Ц.И. Грин — очерки о деятелях культуры Н.А. Рубакине, М.А. Корфе, Г.А. Лопатине, И.И. Билибине. Многие ее очерки, рассказывающие о людях, работавших в Библиотеке, помещены в трехтомное издание «Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры» (1995—2003). В 1995 г. в журнале «Библиотека» (№ 4) опубликована статья Ц.И. Грин «От Карамзина до Соженицына» о выдающихся ученых и писателях — читателях Библиотеки, о ее роли в жизни русского общества.

Работая в Библиотеке, Грин много занималась библиографоведением, была автором теоретических работ в этой области. Одна из основополагающих — статья «Библиография библиографии и ее значение для формирования библиографического репертуара», где подчеркивалось источниковедческое значение этого вида библиографии («Труды» ГПБ. Л., 1977). Как библиограф-практик она являлась составителем ряда указателей.

Ц.И. Грин была удостоена звания заслуженного работника культуры Российской Федерации, ее имя занесено в Книгу почета Библиотеки. Многие сотрудники считают себя ее учениками, что является прямым свидетельством значимости ее личности в истории российской культуры.

О.С. Острой,
*ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки,
доктор педагогических наук*

О.А. Добиаш-Рождественская

Не служба, а служение, не бремя, а счастливая ноша. Наверно, эти слова могли бы стать девизом жизни Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской (1874—1939), одной из знаменитых женщин-ученых, первой в России женщины-магистра и доктора всеобщей истории, блестящего и любимого профессора Высших женских (Бестужевских) курсов, а затем — Петербургского университета.

Современники вспоминают, что в течение 17 лет (1922—1939) проходившие по тротуару Невского проспекта пешеходы почти каждый день могли видеть через центральное окно на закруглении здания Публичной библиотеки пожилую женщину с характерным профилем Данте, склонившуюся над рукописью. Рукопись лежала на маленьком пюпитре, установленном на столе, вдвинутом в амбразуру окна [12]. Открывавшаяся из окна «невская перспектива», старинные латинские рукописи, «тьень Данте с профилем орлиным»¹ — ученики Ольги Антоновны запомнили неповторимость этого уголка отдела рукописей, его особое очарование, где они постигали искусство понимать и слышать далекие голоса наших предков.

Творческий и жизненный путь О.А. Добиаш-Рождественской, незаурядный склад личности, умение быть «учителем науки» (ее стараниями в Библиотеке была создана поныне существующая научная школа латинской палеографии), заслуги перед мировой исторической наукой описаны в книгах и многочисленных статьях [4].

Вернуться к исследованию биографии этой удивительной женщины, ее общественных воззрений, притяжения или неприятия ею всего того нового, что вошло в жизнь России после 1917 г., побудил выход в свет романа-эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо» [14]. Этот исторический роман, в котором соединились документальное повествование, публицистическое осмысление русской истории и художественный вымысел, стал главным делом жизни писателя [5]. Работая над романом, он использовал материалы, хранящиеся в фондах Публичной библиотеки. С этой целью писатель приезжал в Ленинград летом 1963 г., а затем зимой 1964 года. Сохранились воспоминания В.Я. Лакшина и Н.В. Решетовской о том, что Солженицын с большой пользой для себя занимался в Библиотеке и остался очень доволен результатами этих поездок [7, 11]. По их рассказам, писатель приходил обычно к ее открытию и работал до позднего вечера. Он сам отмечал впоследствии в книге «Бодался теленок с дубом», что эти занятия, в частности в отделе специального хранения («сладострастно накидывался на те запретные книги»), стали значительным событием в его творческой биографии [13].

«Красное колесо», роман о русской революции 1917 г., побудил писателя прочесть ее глазами историка Публичной библиотеки, и это дало любопытные результаты. Библиотека — одно из мест действия романа в Петербурге, а ее сотрудники и читатели — действующие лица книги. Солженицын с разной степенью подробности рассказывает о них². Многие лишь вскользь упоминаются на страницах романа: хранительница Мария Михайловна и ее сын гимназист, безымянная заведующая выдачей книг, каталогист и др. Больше внимания уделено Вере Воротынцевой, сестре одного из постоянно действующих лиц — офицера Воротынцева. Героиня служит библиографом в «лучшей русской библиотеке». Она счастлива тем, что многие известные личности не минуют Публичную библиотеку, а она обслуживает «лучших русских читателей — думцев, публицистов, писателей, ученых, инженеров» [15]. Обращение к газетам 1917 г. натолкнуло Солженицына на очевидную связь Библиотеки (он отмечает, что новым Уставом, утвержденным Временным правительством, закреплен ее официальный статус национальной библиотеки России) со всеми событиями, происходящими в обществе. Благодаря своему местоположению Библиотека оказалась на перекрестке истории, и это обстоятельство использует писатель. Все, что происходило на Невском проспекте, особенно в революционные дни 1917 г., находило отражение и отклик в Публичной библиотеке, являвшейся своего рода зеркалом всех событий. Настроения сотрудников и читателей стали барометром мыслей и чувств петербургской интеллигенции — А.И. Солженицына к этому выводу подтолкнули исторические реалии тех дней.

Читальный зал Библиотеки посещает лидер кадетов Евгений Трубецкой, «кумир библиотекарей с Александринской площади»: «Здесь с утра сошлись в «рукопашном бою» Гессен и Гредескул, два профессора, два главных редактора — «Речи» и «Русской воли» и, конечно же, не смогли сразу разойтись со своими книжными стопками, а зацепились спорить у прилавка...». И сотрудники, и читатели не просто наблюдали этот спор, а втягивались в него. В Библиотеке ходят по рукам «летучие листки» — прокламации, воззвания, открытые письма М.В. Родзянко, М.В. Челнокова и других общественных деятелей, обсуждается позиция В.И. Ленина, министров Временного правительства. В майские дни 1917 г., увлекая за собой читателей, библиотекари вышли на улицу с плакатами в защиту Милюкова и Временного правительства. Они дошли под зеленым кадетским знаменем до Казанской площади [16].

Степень достоверности того, что пишет Солженицын о внутренней библиотечной жизни в послефевральские дни, о политических симпатиях ее сотрудников, достаточна высока. Отвечая на заданный в этой связи вопрос, писатель разъяснял: «Описанные мною в “Апреле семнадцатого” эпизоды — вызывающие революционные лозунги на стенах именно

Публичной библиотеки и участие библиотекарей в общем ходе городской интеллигенции против мятежа, взяты мною из повременных газет того времени» [19]. Правда, судя по записям в дневнике, сделанным примерно в эти же дни Д.В. Философовым под впечатлением встречи «со служащими библиотеки», палитра настроений здесь была более многоцветной [20].

Исторические разыскания Солженицына, глубина его погружения в обстоятельства того времени определили сущность его творческого метода. «Это развернутое повествование о революции в России, — писал он, — которое захватывает сотни действительных исторических лиц, от высокопоставленных на виду у истории до совершенно никому неизвестных, но давших мне свидетельские показания» [10, с. 57]. О том, что он располагает самой обширной коллекцией «свидетельств стариков» о революции, писатель говорил неоднократно [10, с. 58].

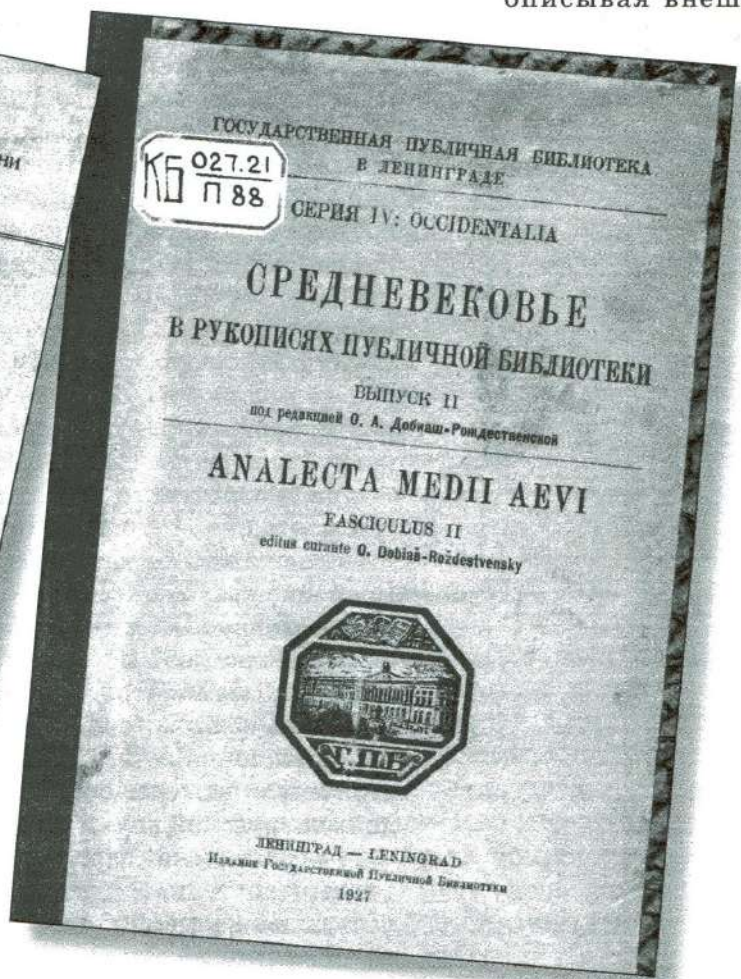
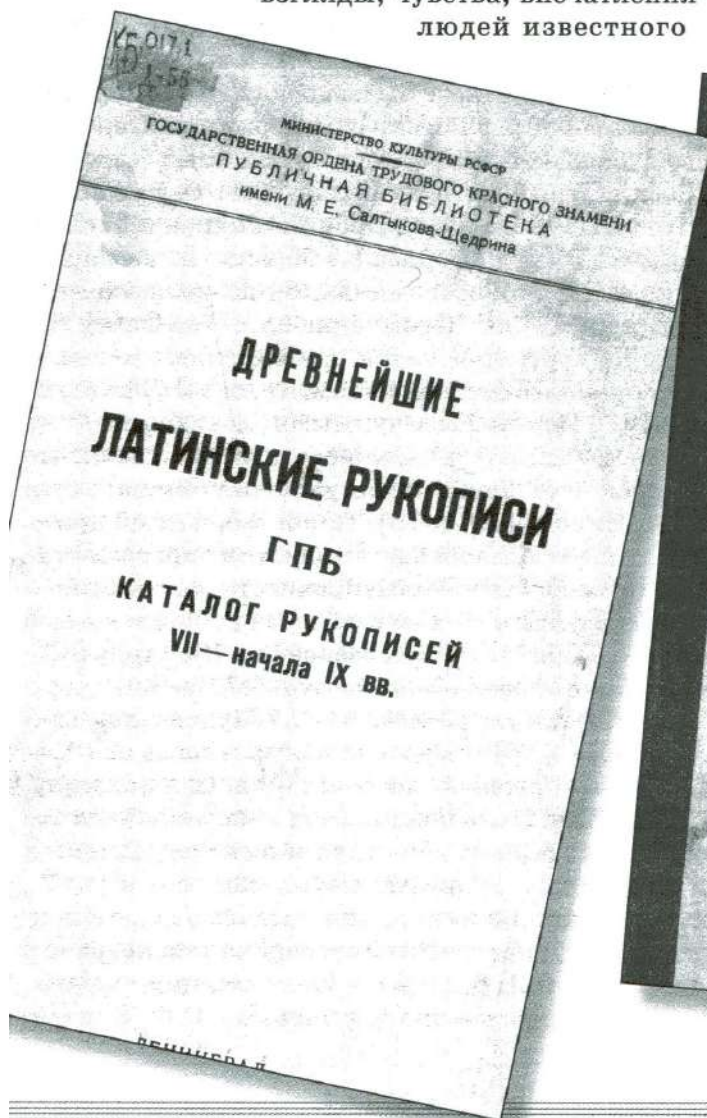
Вымышленные герои — это, по словам Солженицына, «как бы смазка или соединительная ткань» [10, с. 60]. Главное же внимание он уделит персонажам реально существующим, он «занят историей их психологии и поступков». В этом смысле автор романа следует наставлениям В.О. Ключевского, который утверждал, что «исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного

времени — те же факты и очень важные, точно так же требующие критического изучения» [6].

«Идеи, взгляды, чувства, впечатления» русских интеллигентов в стране, поднятой на дыбы, передают многие герои романа «Красное колесо». И среди них — «самая умная женщина Петербурга», профессор всеобщей истории, преподавательница Высших женских курсов Ольга Орестовна Андозерская. Она впервые появляется в романе «Август четырнадцатого». В семинаре, который она ведет, изучают «беспольные мрачные средние века», и она заставляет слушателей «корпеть» над папскими буллами XI века. Андозерская — постоянная посетительница читального зала Публичной библиотеки. Этим объясняется знакомство профессора с ее сотрудницей — Верой Воротынцевой. Встречались они и в доме Шингарева (Большая Монетная улица), где собирались члены партии кадетов [17].

Солженицын неоднократно возвращается к описанию внешнего облика Андозерской — «маленькая профессорша в кружевном воротничке», «маленькая неяркая женщина в английском темно-сером костюме строго и ровно держала небольшую голову с темными как бы чуть всклокоченными или запутанными в прическе волосами» [18].

Трудно определенно утверждать, чьими свидетельскими показаниями пользовался писатель, описывая внешний

облик, манеру одеваться и держаться О.А. Добиаш-Рождественской, но делает он это точно. При сопоставлении текста романа и воспоминаний людей, близко ее знавших, обнаруживается совпадение. В частности, ее ученица О.Б. Враская рассказывала: «Ольга Антоновна не была красива в обычном смысле слова, но выражение ее лица, глаз было настолько значительным и одухотворенным, что она казалась нам прекрасной» [1]. Познакомившийся с О.А. Добиаш-Рождественской много лет спустя физик С.Э. Фриш писал: «Небольшого роста, худая, с некрасивым лицом, она тем не менее привлекала к себе внимание» [21].

Солженицын не скрывает родства своей героини с Ольгой Антоновной. Предмет ее научных занятий в романе обозначен точно — «давние темные средние века» или «средние века, к тому же еще и западные». Неоригинален автор и в утверждении, что прототип его героини — одна из самых умных женщин Петербурга («растреумная дама»).

Возможно, что писатель был знаком с рукописью биографической книги о Добиаш-Рождественской, написанной Е.Н. Чеховой [22]. Ее ученица по Высшим женским курсам, а впоследствии близкий друг, приводит слова историка Е.Н. Щепкиной: «Говорят — самые умные женщины в Петербурге — Борман, Репьева и О.А. Добиаш» [23]. А может быть, дело было в распространенности этого суждения, которое стало известно писателю из других источников. Чехова сама добавляет к словам Щепкиной: «Позже я не раз слышала, как повторяли эту фразу в передовых петербургских кругах. Ольга Антоновна была в них популярна» [23]. Можно привести суждение еще одного весьма строгого судьи, академика Е.В. Тарле. В письме к жене (ноябрь 1924 г.) он писал: «Значит, тебе Ольга Антоновна понравилась? Она умная и ученая барыня. Умнее своего учителя Гревса в 46 раз и учнее его в 9 раз. И порядочнее в 216 000 000 раз»³. Не совпадают лишь возраст героини романа (ее А.И. Солженицын сделал на 5—6 лет моложе) и семейное положение. Но главное несовпадение, которое тревожило, заставляло сомневаться, заключалось в том, что профессор Ольга Андозерская — убежденная монархистка, сторонник сохранения в России самодержавия. Она даже вынуждена скрывать свои убеждения, боясь, что ее освистают бестужевки, прогонят с курсов. Рассуждения, которые вкладывал в ее уста автор, противоречили тому, что было известно об Добиаш-Рождественской, они казались взятыми как бы с «чужого плеча». Обращение к ее архиву, письмам, друзьям и коллегам, их воспоминаниям позволяет внести коррективы в утверждения писателя. Несомненна близость Ольги Антоновны, как и многих других интеллигентов, к кадетским кругам. В последнее время в печати появились сведения о том, что она и формально входила в партию кадетов [21]. Но тем более чуждыми казались навязанные ей взгляды и суждения. Позднее и сам Солженицын признался, что в уста профессора Андозерской он вложил рассуждения о монархии и республике философа И.А. Ильина [10, с. 75]. Такой творческий прием — при прозрачности прототипа — едва ли был бы понят и оправдан Ольгой Антоновной, тщательно оберегавшей безупречность своего имени. «Честное имя для меня важнее всего — и во всей моей работе и во всей моей жизни», — писала О.А. Добиаш-Рождественская в 1936 году [3].

А что на самом деле значила революция в ее судьбе? Как она встретила революцию? И как революция отнеслась к ней? Мудрая и мужественная Ольга Антоновна даже в трудные годы, когда многие не осмеливались об этом говорить, не скрывала своего мнения. Она полагала, что в отношениях интеллигенции и революции, как у медали, были две стороны, и тяжесть оборотной стороны испытали многие выдающиеся деятели русской науки и культуры, ее друзья, она лично.

«Трагическая заря нового исторического дня вызвала в душе слишком много боли», — говорила Добиаш-Рождественская на встрече с бестужевками в 1928 году [2, с. 92]. Власть и интеллигенция — к размышлениям на эту тему возвращается она и в письме к С.Ф. Ольден-

бургу, старинному своему знакомому. В феврале 1933 г. непреходящий ученый секретарь Академии наук, он отмечал 50-летие научной и общественной деятельности. Юбилей, который невольно побуждал задуматься о совместимости с революцией ученых «призыва иного времени». Ольга Антоновна писала Ольденбургу: «Революция не сразу, кажется, была принята нами и во всяком случае не сразу приняла нас такими, какими мы были тогда... Она, революция, нашла нужным нас “прощупать”» [9, с. 107—108]. Горький, понятный им обоим смысл был у этих слов. За ними стояли многие омрачавшие их жизнь в послереволюционные годы события — арест осенью 1919 г., когда они оба оказались в тюрьме на Шпалерной (об этом вспоминает Ольга Антоновна в письме⁴, разгром исторической науки на исходе 1920-х гг. (так называемое «академическое дело»), вызовы на допросы в 1929 г., аресты и ссылки любимых учеников — надежды отечественной медиевистики. Но справедливости ради надо сказать, что Добиаш-Рождественская признавала и другое. Им, воспитанным на свободолюбивых идеалах XIX в., осознавшим на рубеже нового столетия необходимость перемен в России, казалось, что они «глубоко и прочно спаялись с революцией». Они считали, что революция поверила в них, ибо дело, которое им было поручено, они исполняли честно и с увлечением [9, с. 108].

По признанию Добиаш-Рождественской, сделанном позже, ее облик после 1917 г. изменился «очень сильно, очень радикально и очень глубоко» [9, с. 109], но все «существенное, важное и великое» осталось. При всех ошибках, заблуждениях, жестокости, в обстановке очернительства и доносов ей казалось, что путь выбран верный⁵. Она считала, что лучшие люди на «новых берегах» идут к наивысшему образу «Бога живого человека» и надо найти свою точку совместимости [9, с. 109]. О том, как мучительно и трудно проходил этот процесс поиска — не по ее вине — видно из переписки с друзьями, единомышленниками в науке, с теми учениками, которые уцелели в годы террора. А к своим ученикам она относилась особенно трогательно. Когда-то, будучи студенткой Высших женских курсов, она любила своих профессоров «торжественной и нежной любовью» [2, с. 85]. И эту любовь она перенесла на своих учеников. Ольга Антоновна была учителем требовательным, правила их рукописи «много и нередко беспощадно», но была против мелочной опеки, ненужных редакторских вмешательств. «Идеже писано есть дети, тамо ставят отроци, идеже отроци, туто пишут дети!» — посмеивалась она над такими неумными редакторами.

Окончание статьи — в следующем номере журнала

- 1 «Тень Данте с профилем орлиным» — эти слова принадлежат Б.Н. Лосскому, старинному знакомому О.А. Добиаш-Рождественской (Минувшее. — М., 1993. — Кн. 2. — С. 74). И хотя фотографии недостаточно определенно передают эту особенность ее облика, современники — ученики, друзья, знакомые — единодушно настаивают на сходстве с Данте. Вспоминая урок в гимназии, посвященный Данте, Е.Н. Чехова писала: «На этом уроке нам бросилось в глаза сходство худощавой и вдохновенной фигуры Ольги Антоновны с ее строгим, узким профилем, с тем образом, который она давала нам. “Ольга Антоновна похожа на Данте” — говорили ученицы. В этом была доля правды. Ее облик нес в себе черты узких, слегка угловатых, аскетических и вдохновенных фигур средневековья». (ОР РНБ. Ф. 254. Ед. хр. 480. Л. 31).
- 2 Автор даже несколько щеголяет своим знанием подробностей библиотечной профессии. Он упоминает, например, об обязательном библиотечном почерке.
- 3 Цит. по: Каганович Б.С. К биографии Е.В. Тарле (конец 20-х — начало 30-х гг.) / Б.С. Каганович // Отечественная история. — 1993. — № 4. — С. 85.
- 4 О.А. Добиаш-Рождественская была арестована Петроградской ЧК 31 августа 1919 года. Причиной ареста, как свидетельствуют документы, послужило то, что в начале 1917 г. при выборах в районную Думу Василеостровского района она была выдвинута депутатом от кадетской партии. 29 сентября 1919 г. она была освобождена «как не являющаяся активным членом указанной партии» (официальная справка Управления Министерства ГБ по Санкт-Петербургу и области от 14 января 1993 г.). См. также: Блюм А.В. Арестованы по ордеру Чрезвычайной комиссии / А.В. Блюм // Советская библиография. — 1991. — № 6. — С. 47—53. Из документов архива Наркомпроса видно, что участь О.А. Добиаш-Рождественской, С.Ф. Ольденбурга и некоторых других ученых изменилась к лучшему в силу вмешательства академика А.П. Карпинского и руководимого им Объединения советов высших учебных заведений.
- 5 В 1918 г. О.А. Добиаш-Рождественская читает лекции архивистам, ведет занятия со студентами. Ее привлекают к реформированию высшей школы, по вызову Наркомпроса она несколько раз выезжает в Москву, участвует в съезде по реформе высшей школы, выступает перед делегатами с речью, получившей одобрение присутствующих и наркома просвещения А.В. Луначарского. В радостном настроении, получившая в награду, как и остальные делегаты съезда, буханку хлеба, Ольга Антоновна возвращается в Петроград, «самый тихий и разумный город, хотя и самый голодный на всем земном шаре» [3, с. 247].

Список использованной литературы

1. *Враская О.Б.* Из воспоминаний об О.А. Добиаш-Рождественской / О.Б. Враская // О.А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского средневековья: научное наследие. — М., 1987. — С. 310.
2. *Добиаш-Рождественская О.А.* Из курсовых воспоминаний / О.А. Добиаш-Рождественская // Ольга Константиновна Нечаева: 1860—1926. — Л., 1928.
3. *Она же.* Культура западноевропейского средневековья / О.А. Добиаш-Рождественская. — М., 1987. — С. 274.
4. *Ершова В.М.* О.А. Добиаш-Рождественская / В.М. Ершова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — 113 с. — [Список основных трудов О.А. Добиаш-Рождественской — С. 104—110; Перечень основных публикаций о ней — с. 5—6].
5. *Жидков Г.П.* «Красное колесо» А. Солженицына глазами историка / Г.П. Жидков // Отечественная история. — 1994. — № 4—5. — С. 216—221.
6. *Ключевский В.О.* Отзывы и ответы. — Пг., 1918. — Т. 3. — С. 360.
7. *Лакшин В.Я.* «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное (1953—1964) / В.Я. Лакшин. — М., 1991. — С. 144.
8. *Мордовцев Д.Л.* Видение в Публичной библиотеке: исторический сон / Д.Л. Мордовцев // Исторический вестник. — 1884. — Т. 16, апр. — С. 23—33.
9. Отечественная история. — 1992. — № 3. — С. 107—108.
10. *Паламарчук П.Г.* Александр Солженицын: Путеводитель / П.Г. Паламарчук. — М., 1991. — С. 57.
11. *Решетовская Н.В.* Александр Солженицын и читающая Россия / Н.В. Решетовская. — М., 1990. — С. 138, 141—143, 168.
12. *Скржинская Е.Ч.* О.А. Добиаш-Рождественская как учитель науки / Е.Ч. Скржинская // О.А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского средневековья: научное наследие. — М., 1987. — С. 299.
13. *Солженицын А.И.* Бдтался теленок с дубом / А.И. Солженицын // Новый мир. — 1991. — № 6. — С. 47—48.
14. *Он же.* Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках: [в 4 узлах: историческая эпопея] / А.И. Солженицын. — Paris: Imca-Press, 1985—1989.
15. *Он же.* Красное колесо: узел II / А.И. Солженицын. — М., 1993. — Т. 3. — С. 235; Узел III // Новый мир. — 1992. — № 11. — С. 16—18.
16. *Он же.* Красное колесо: узел IV / А.И. Солженицын // Новый мир. — 1992. — № 12. — С. 96—99.
17. *Он же.* Красное колесо: узел I / А.И. Солженицын. — Париж, 1983. — С. 461—465.
18. *Он же.* Красное колесо: узел II / А.И. Солженицын. — Париж, 1983. — С. 355—356, 382, 386, 387, 396, 400—408, 443—447, 450—451, 456—458, 465.
19. *Он же.* Письмо А.Я. Разумову. Июль 1995 года / А.И. Солженицын // Личный архив А.Я. Разумова.
20. *Философов Д.В.* Дневник (17 января — 30 марта 1917 г.) / Д.В. Философов // Звезда. — 1992. — № 3. — С. 149.
21. *Фриш С.Э.* Сквозь призму времени: Воспоминания / С.Э. Фриш. — М., 1992. — С. 237.
22. *Чехова Е.Н.* Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская / Е.Н. Чехова // НИОР РНБ. — Ф. 254. Ед. хр. 480.
23. Там же. — Л. 24.

К 85-летию со дня
рождения Ц.И. Грин

Ци́лия Ио́сифовна Грин,
старший научный сотрудник
Российской национальной
библиотеки,
заслуженный работник
культуры
Российской Федерации,
кандидат исторических наук

«Тень Данте с профилем орлиным...»: О.А. Добиаш- Рождественская — человек и гражданин

Трагическая симфония мира
не исчерпана, а только начинается...
О.А. Добиаш-Рождественская

В 80-х гг. XIX в. известный писатель и историк Д.Л. Мордовцев опубликовал художественный очерк «Видение в Публичной библиотеке» [8]. Легенды, предания, исторические события воскресают на его страницах. Заговорили книги и их герои, атмосфера библиотеки наполнилась голосами, книги и рукописи напомнили о тех, кто их собирал и хранил. Можно по-разному относиться к достоинствам этого сочинения, но в нем чувствуется причастность происходящего в библиотеке к мифологии культуры, к художественному осмыслению русской истории.

Существовало много причин, которые побуждали сочинителей исторических романов и повестей переносить место действия в Публичную библиотеку, а самих библиотекарей — делать их героями: вовлеченность этого учреждения в исторический процесс, собирание и хранение в ее стенах рукописного и книжного наследия нации, многоликое сословие читателей, пестрое по своему социальному положению и духовным устремлениям, но единое в своей привязанности к «лучшей русской библиотеке России» (А.И. Солженицын). И наконец — целая плеяда замечательных людей, отдавших самую значительную часть своей жизни Публичной библиотеке. Здесь они служили книге и читателям, общались с писателями, поэтами, учеными, общественными деятелями, здесь в судьбоносные для России годы делали свой гражданский выбор. «Жизнь ума и сердца» И.А. Крылова, А.А. Дельвига, В.Ф. Одоевского, А.Ф. Бычкова, В.В. Стасова, Д.В. Философова, М.Л. Лозинского и других деятелей науки, литературы, искусства, служивших в Библиотеке, вместила в себя наряду с библиотечными буднями и встречи с эпохой, ее людьми. История Публичной библиотеки, являясь частью истории русской интеллигенции, всегда привлекала к себе внимание беллетристов.

Цилия Иосифовна Грин (1921—2004) — историк, тонко чувствующий суть временных процессов разных эпох и связь между ними. Поэтому ей — исследователю преимущественно российской истории XX века, оказались близкими труды медиевиста О.А. Добиаш-Рождественской. Немаловажно и то обстоятельство, что героиня статьи Ц.И. Грин служила 17 лет в Государственной Публичной библиотеке и потенциально воспринималась как коллега.

Сама Цилия Иосифовна провела в Библиотеке более полувека, работая в разных отделах, зная жизнь этого уникального хранилища изнутри и став крупнейшим исследователем истории Библиотеки от начального периода (конец XVIII столетия).

Ц.И. Грин окончила в 1946 г. исторический факультет Ленинградского государственного университета, а в 1947 г. стала штатным сотрудником Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В течение многих лет она возглавляла сначала сектор библиографии в Научно-исследовательском отделе библиотековедения и библиографии, а затем (с 1968 г.) — Отдел научно-информационной и рекомендательной библиографии (ныне Отдел библиографии и краеведения), однако главным для нее была научно-исследовательская работа.

В 1954 г. Ц.И. Грин защитила кандидатскую диссертацию по теме «Мемуарная литература по истории международных отношений начала XX века как исторический источник». С 1955 г. она занималась исследовательской работой, непосредственно связанной с Публичной библиотекой. Одним из направлений стала (в различных аспектах) история этого уникального книгохранилища. В 1957 г. в «Трудах» Библиотеки была опубликована статья Грин «Публичная библиотека в период первой русской революции», в 1963 г. вышла монография «История Государственной ордена Трудового Красного знамени Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина», для которой Ц.И. Грин написала основные главы. В 1994 г. в «Историко-библиографических исследованиях» (Вып. 4) была опубликована работа «"Время собирать камни": Изучение истории русской библиографии в Публичной библиотеке». Одна из самых масштабных работ по истории Библиотеки — хрестоматия «Публичная библиотека глазами современников» (в соавторстве с А.М. Третьяк) в двух томах, охватывающих период с 1795 по 1929 г. с большими историческими предисловиями и комментариями к включенным документам.

В научном наследии Ц.И. Грин — очерки о деятелях культуры Н.А. Рубакине, М.А. Корфе, Г.А. Лопатине, И.И. Билибине. Многие ее очерки, рассказывающие о людях, работавших в Библиотеке, помещены в трехтомное издание «Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры» (1995—2003). В 1995 г. в журнале «Библиотека» (№ 4) опубликована статья Ц.И. Грин «От Карамзина до Соженицына» о выдающихся ученых и писателях — читателях Библиотеки, о ее роли в жизни русского общества.

Работая в Библиотеке, Грин много занималась библиографоведением, была автором теоретических работ в этой области. Одна из основополагающих — статья «Библиография библиографии и ее значение для формирования библиографического репертуара», где подчеркивалось источниковедческое значение этого вида библиографии («Труды» ГПБ. Л., 1977). Как библиограф-практик она являлась составителем ряда указателей.

Ц.И. Грин была удостоена звания заслуженного работника культуры Российской Федерации, ее имя занесено в Книгу почета Библиотеки. Многие сотрудники считают себя ее учениками, что является прямым свидетельством значимости ее личности в истории российской культуры.

О.С. Острой,
*ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки,
доктор педагогических наук*

О.А. Добиаш-Рождественская

Не служба, а служение, не бремя, а счастливая ноша. Наверно, эти слова могли бы стать девизом жизни Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской (1874—1939), одной из знаменитых женщин-ученых, первой в России женщины-магистра и доктора всеобщей истории, блестящего и любимого профессора Высших женских (Бестужевских) курсов, а затем — Петербургского университета.

Современники вспоминают, что в течение 17 лет (1922—1939) проходившие по тротуару Невского проспекта пешеходы почти каждый день могли видеть через центральное окно на закруглении здания Публичной библиотеки пожилую женщину с характерным профилем Данте, склонившуюся над рукописью. Рукопись лежала на маленьком пюпитре, установленном на столе, вдвинутом в амбразуру окна [12]. Открывавшаяся из окна «невская перспектива», старинные латинские рукописи, «тьень Данте с профилем орлиным»¹ — ученики Ольги Антоновны запомнили неповторимость этого уголка отдела рукописей, его особое очарование, где они постигали искусство понимать и слышать далекие голоса наших предков.

Творческий и жизненный путь О.А. Добиаш-Рождественской, незаурядный склад личности, умение быть «учителем науки» (ее стараниями в Библиотеке была создана поныне существующая научная школа латинской палеографии), заслуги перед мировой исторической наукой описаны в книгах и многочисленных статьях [4].

Вернуться к исследованию биографии этой удивительной женщины, ее общественных воззрений, притягивания или непритягивания ею всего того нового, что вошло в жизнь России после 1917 г., побудил выход в свет романа-эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо» [14]. Этот исторический роман, в котором соединились документальное повествование, публицистическое осмысление русской истории и художественный вымысел, стал главным делом жизни писателя [5]. Работая над романом, он использовал материалы, хранящиеся в фондах Публичной библиотеки. С этой целью писатель приезжал в Ленинград летом 1963 г., а затем зимой 1964 года. Сохранились воспоминания В.Я. Лакшина и Н.В. Решетовской о том, что Солженицын с большой пользой для себя занимался в Библиотеке и остался очень доволен результатами этих поездок [7, 11]. По их рассказам, писатель приходил обычно к ее открытию и работал до позднего вечера. Он сам отмечал впоследствии в книге «Бодался теленок с дубом», что эти занятия, в частности в отделе специального хранения («сладострастно накидывался на те запретные книги»), стали значительным событием в его творческой биографии [13].

«Красное колесо», роман о русской революции 1917 г., побудил писателя прочесть ее глазами историка Публичной библиотеки, и это дало любопытные результаты. Библиотека — одно из мест действия романа в Петербурге, а ее сотрудники и читатели — действующие лица книги. Солженицын с разной степенью подробности рассказывает о них². Многие лишь вскользь упоминаются на страницах романа: хранительница Мария Михайловна и ее сын гимназист, безымянная заведующая выдачей книг, каталогист и др. Больше внимания уделено Вере Воротынцевой, сестре одного из постоянно действующих лиц — офицера Воротынцева. Героиня служит библиографом в «лучшей русской библиотеке». Она счастлива тем, что многие известные личности не минуют Публичную библиотеку, а она обслуживает «лучших русских читателей — думцев, публицистов, писателей, ученых, инженеров» [15]. Обращение к газетам 1917 г. натолкнуло Солженицына на очевидную связь Библиотеки (он отмечает, что новым Уставом, утвержденным Временным правительством, закреплен ее официальный статус национальной библиотеки России) со всеми событиями, происходящими в обществе. Благодаря своему местоположению Библиотека оказалась на перекрестке истории, и это обстоятельство использует писатель. Все, что происходило на Невском проспекте, особенно в революционные дни 1917 г., находило отражение и отклик в Публичной библиотеке, являвшейся своего рода зеркалом всех событий. Настроения сотрудников и читателей стали барометром мыслей и чувств петербургской интеллигенции — А.И. Солженицына к этому выводу подтолкнули исторические реалии тех дней.

Читальный зал Библиотеки посещает лидер кадетов Евгений Трубецкой, «кумир библиотекарей с Александринской площади»: «Здесь с утра сошлись в «рукопашном бою» Гессен и Гредескул, два профессора, два главных редактора — «Речи» и «Русской воли» и, конечно же, не смогли сразу разойтись со своими книжными стопками, а зацепились спорить у прилавка...». И сотрудники, и читатели не просто наблюдали этот спор, а втягивались в него. В Библиотеке ходят по рукам «летучие листки» — прокламации, воззвания, открытые письма М.В. Родзянко, М.В. Челнокова и других общественных деятелей, обсуждается позиция В.И. Ленина, министров Временного правительства. В майские дни 1917 г., увлекая за собой читателей, библиотекари вышли на улицу с плакатами в защиту Милюкова и Временного правительства. Они дошли под зеленым кадетским знаменем до Казанской площади [16].

Степень достоверности того, что пишет Солженицын о внутренней библиотечной жизни в послефевральские дни, о политических симпатиях ее сотрудников, достаточна высока. Отвечая на заданный в этой связи вопрос, писатель разъяснял: «Описанные мною в “Апреле семнадцатого” эпизоды — вызывающие революционные лозунги на стенах именно

Публичной библиотеки и участие библиотекарей в общем ходе городской интеллигенции против мятежа, взяты мною из повременных газет того времени» [19]. Правда, судя по записям в дневнике, сделанным примерно в эти же дни Д.В. Философовым под впечатлением встречи «со служащими библиотеки», палитра настроений здесь была более многоцветной [20].

Исторические разыскания Солженицына, глубина его погружения в обстоятельства того времени определили сущность его творческого метода. «Это развернутое повествование о революции в России, — писал он, — которое захватывает сотни действительных исторических лиц, от высокопоставленных на виду у истории до совершенно никому неизвестных, но давших мне свидетельские показания» [10, с. 57]. О том, что он располагает самой обширной коллекцией «свидетельств стариков» о революции, писатель говорил неоднократно [10, с. 58].

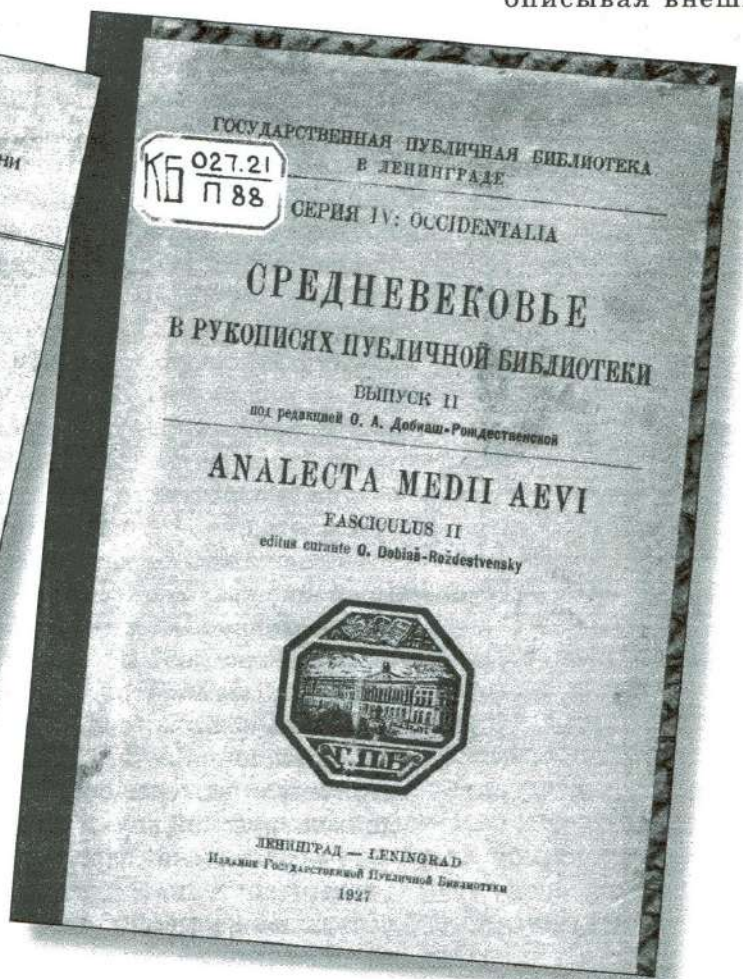
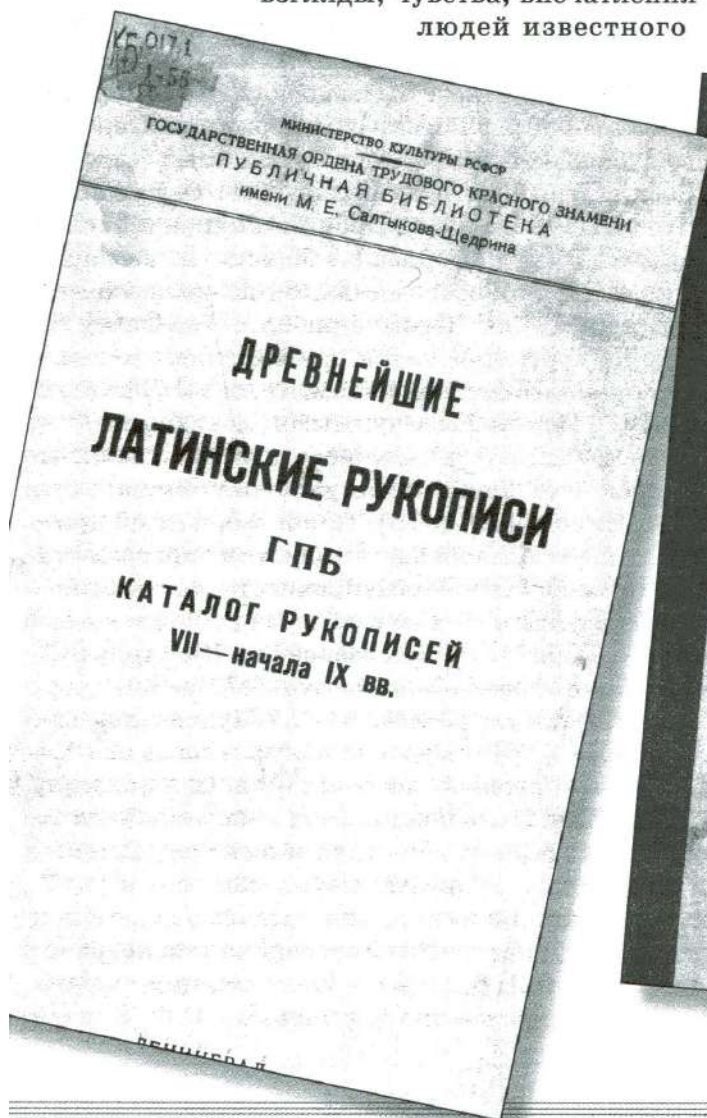
Вымышленные герои — это, по словам Солженицына, «как бы смазка или соединительная ткань» [10, с. 60]. Главное же внимание он уделит персонажам реально существующим, он «занят историей их психологии и поступков». В этом смысле автор романа следует наставлениям В.О. Ключевского, который утверждал, что «исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного

времени — те же факты и очень важные, точно так же требующие критического изучения» [6].

«Идеи, взгляды, чувства, впечатления» русских интеллигентов в стране, поднятой на дыбы, передают многие герои романа «Красное колесо». И среди них — «самая умная женщина Петербурга», профессор всеобщей истории, преподавательница Высших женских курсов Ольга Орестовна Андозерская. Она впервые появляется в романе «Август четырнадцатого». В семинаре, который она ведет, изучают «беспользные мрачные средние века», и она заставляет слушателей «корпеть» над папскими буллами XI века. Андозерская — постоянная посетительница читального зала Публичной библиотеки. Этим объясняется знакомство профессора с ее сотрудницей — Верой Воротынцевой. Встречались они и в доме Шингарева (Большая Монетная улица), где собирались члены партии кадетов [17].

Солженицын неоднократно возвращается к описанию внешнего облика Андозерской — «маленькая профессорша в кружевном воротничке», «маленькая неяркая женщина в английском темно-сером костюме строго и ровно держала небольшую голову с темными как бы чуть всклокоченными или запутанными в прическе волосами» [18].

Трудно определенно утверждать, чьими свидетельскими показаниями пользовался писатель, описывая внешний

облик, манеру одеваться и держаться О.А. Добиаш-Рождественской, но делает он это точно. При сопоставлении текста романа и воспоминаний людей, близко ее знавших, обнаруживается совпадение. В частности, ее ученица О.Б. Враская рассказывала: «Ольга Антоновна не была красива в обычном смысле слова, но выражение ее лица, глаз было настолько значительным и одухотворенным, что она казалась нам прекрасной» [1]. Познакомившийся с О.А. Добиаш-Рождественской много лет спустя физик С.Э. Фриш писал: «Небольшого роста, худая, с некрасивым лицом, она тем не менее привлекала к себе внимание» [21].

Солженицын не скрывает родства своей героини с Ольгой Антоновной. Предмет ее научных занятий в романе обозначен точно — «давние темные средние века» или «средние века, к тому же еще и западные». Неоригинален автор и в утверждении, что прототип его героини — одна из самых умных женщин Петербурга («растреумная дама»).

Возможно, что писатель был знаком с рукописью биографической книги о Добиаш-Рождественской, написанной Е.Н. Чеховой [22]. Ее ученица по Высшим женским курсам, а впоследствии близкий друг, приводит слова историка Е.Н. Щепкиной: «Говорят — самые умные женщины в Петербурге — Борман, Репьева и О.А. Добиаш» [23]. А может быть, дело было в распространенности этого суждения, которое стало известно писателю из других источников. Чехова сама добавляет к словам Щепкиной: «Позже я не раз слышала, как повторяли эту фразу в передовых петербургских кругах. Ольга Антоновна была в них популярна» [23]. Можно привести суждение еще одного весьма строгого судьи, академика Е.В. Тарле. В письме к жене (ноябрь 1924 г.) он писал: «Значит, тебе Ольга Антоновна понравилась? Она умная и ученая барыня. Умнее своего учителя Гревса в 46 раз и учнее его в 9 раз. И порядочнее в 216 000 000 раз»³. Не совпадают лишь возраст героини романа (ее А.И. Солженицын сделал на 5—6 лет моложе) и семейное положение. Но главное несовпадение, которое тревожило, заставляло сомневаться, заключалось в том, что профессор Ольга Андозерская — убежденная монархистка, сторонник сохранения в России самодержавия. Она даже вынуждена скрывать свои убеждения, боясь, что ее освистают бестужевки, прогонят с курсов. Рассуждения, которые вкладывал в ее уста автор, противоречили тому, что было известно об Добиаш-Рождественской, они казались взятыми как бы с «чужого плеча». Обращение к ее архиву, письмам, друзьям и коллегам, их воспоминаниям позволяет внести коррективы в утверждения писателя. Несомненна близость Ольги Антоновны, как и многих других интеллигентов, к кадетским кругам. В последнее время в печати появились сведения о том, что она и формально входила в партию кадетов [21]. Но тем более чуждыми казались навязанные ей взгляды и суждения. Позднее и сам Солженицын признался, что в уста профессора Андозерской он вложил рассуждения о монархии и республике философа И.А. Ильина [10, с. 75]. Такой творческий прием — при прозрачности прототипа — едва ли был бы понят и оправдан Ольгой Антоновной, тщательно оберегавшей безупречность своего имени. «Честное имя для меня важнее всего — и во всей моей работе и во всей моей жизни», — писала О.А. Добиаш-Рождественская в 1936 году [3].

А что на самом деле значила революция в ее судьбе? Как она встретила революцию? И как революция отнеслась к ней? Мудрая и мужественная Ольга Антоновна даже в трудные годы, когда многие не осмеливались об этом говорить, не скрывала своего мнения. Она полагала, что в отношениях интеллигенции и революции, как у медали, были две стороны, и тяжесть оборотной стороны испытали многие выдающиеся деятели русской науки и культуры, ее друзья, она лично.

«Трагическая заря нового исторического дня вызвала в душе слишком много боли», — говорила Добиаш-Рождественская на встрече с бестужевками в 1928 году [2, с. 92]. Власть и интеллигенция — к размышлениям на эту тему возвращается она и в письме к С.Ф. Ольден-

бургу, старинному своему знакомому. В феврале 1933 г. непреходящий ученый секретарь Академии наук, он отмечал 50-летие научной и общественной деятельности. Юбилей, который невольно побуждал задуматься о совместимости с революцией ученых «призыва иного времени». Ольга Антоновна писала Ольденбургу: «Революция не сразу, кажется, была принята нами и во всяком случае не сразу приняла нас такими, какими мы были тогда... Она, революция, нашла нужным нас “прощупать”» [9, с. 107—108]. Горький, понятный им обоим смысл был у этих слов. За ними стояли многие омрачавшие их жизнь в послереволюционные годы события — арест осенью 1919 г., когда они оба оказались в тюрьме на Шпалерной (об этом вспоминает Ольга Антоновна в письме⁴, разгром исторической науки на исходе 1920-х гг. (так называемое «академическое дело»), вызовы на допросы в 1929 г., аресты и ссылки любимых учеников — надежды отечественной медиевистики. Но справедливости ради надо сказать, что Добиаш-Рождественская признавала и другое. Им, воспитанным на свободолюбивых идеалах XIX в., осознавшим на рубеже нового столетия необходимость перемен в России, казалось, что они «глубоко и прочно спаялись с революцией». Они считали, что революция поверила в них, ибо дело, которое им было поручено, они исполняли честно и с увлечением [9, с. 108].

По признанию Добиаш-Рождественской, сделанном позже, ее облик после 1917 г. изменился «очень сильно, очень радикально и очень глубоко» [9, с. 109], но все «существенное, важное и великое» осталось. При всех ошибках, заблуждениях, жестокости, в обстановке очернительства и доносов ей казалось, что путь выбран верный⁵. Она считала, что лучшие люди на «новых берегах» идут к наивысшему образу «Бога живого человека» и надо найти свою точку совместимости [9, с. 109]. О том, как мучительно и трудно проходил этот процесс поиска — не по ее вине — видно из переписки с друзьями, единомышленниками в науке, с теми учениками, которые уцелели в годы террора. А к своим ученикам она относилась особенно трогательно. Когда-то, будучи студенткой Высших женских курсов, она любила своих профессоров «торжественной и нежной любовью» [2, с. 85]. И эту любовь она перенесла на своих учеников. Ольга Антоновна была учителем требовательным, правила их рукописи «много и нередко беспощадно», но была против мелочной опеки, ненужных редакторских вмешательств. «Идеже писано есть дети, тамо ставят отроци, идеже отроци, туто пишут дети!» — посмеивалась она над такими неумными редакторами.

Окончание статьи — в следующем номере журнала

- 1 «Тень Данте с профилем орлиным» — эти слова принадлежат Б.Н. Лосскому, старинному знакомому О.А. Добиаш-Рождественской (Минувшее. — М., 1993. — Кн. 2. — С. 74). И хотя фотографии недостаточно определенно передают эту особенность ее облика, современники — ученики, друзья, знакомые — единодушно настаивают на сходстве с Данте. Вспоминая урок в гимназии, посвященный Данте, Е.Н. Чехова писала: «На этом уроке нам бросилось в глаза сходство худощавой и вдохновенной фигуры Ольги Антоновны с ее строгим, узким профилем, с тем образом, который она давала нам. “Ольга Антоновна похожа на Данте” — говорили ученицы. В этом была доля правды. Ее облик нес в себе черты узких, слегка угловатых, аскетических и вдохновенных фигур средневековья». (ОР РНБ. Ф. 254. Ед. хр. 480. Л. 31).
- 2 Автор даже несколько щеголяет своим знанием подробностей библиотечной профессии. Он упоминает, например, об обязательном библиотечном почерке.
- 3 Цит. по: Каганович Б.С. К биографии Е.В. Тарле (конец 20-х — начало 30-х гг.) / Б.С. Каганович // Отечественная история. — 1993. — № 4. — С. 85.
- 4 О.А. Добиаш-Рождественская была арестована Петроградской ЧК 31 августа 1919 года. Причиной ареста, как свидетельствуют документы, послужило то, что в начале 1917 г. при выборах в районную Думу Василеостровского района она была выдвинута депутатом от кадетской партии. 29 сентября 1919 г. она была освобождена «как не являющаяся активным членом указанной партии» (официальная справка Управления Министерства ГБ по Санкт-Петербургу и области от 14 января 1993 г.). См. также: Блюм А.В. Арестованы по ордеру Чрезвычайной комиссии / А.В. Блюм // Советская библиография. — 1991. — № 6. — С. 47—53. Из документов архива Наркомпроса видно, что участь О.А. Добиаш-Рождественской, С.Ф. Ольденбурга и некоторых других ученых изменилась к лучшему в силу вмешательства академика А.П. Карпинского и руководимого им Объединения советов высших учебных заведений.
- 5 В 1918 г. О.А. Добиаш-Рождественская читает лекции архивистам, ведет занятия со студентами. Ее привлекают к реформированию высшей школы, по вызову Наркомпроса она несколько раз выезжает в Москву, участвует в съезде по реформе высшей школы, выступает перед делегатами с речью, получившей одобрение присутствующих и наркома просвещения А.В. Луначарского. В радостном настроении, получившая в награду, как и остальные делегаты съезда, буханку хлеба, Ольга Антоновна возвращается в Петроград, «самый тихий и разумный город, хотя и самый голодный на всем земном шаре» [3, с. 247].

Список использованной литературы

1. *Враская О.Б.* Из воспоминаний об О.А. Добиаш-Рождественской / О.Б. Враская // О.А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского средневековья: научное наследие. — М., 1987. — С. 310.
2. *Добиаш-Рождественская О.А.* Из курсовых воспоминаний / О.А. Добиаш-Рождественская // Ольга Константиновна Нечаева: 1860—1926. — Л., 1928.
3. *Она же.* Культура западноевропейского средневековья / О.А. Добиаш-Рождественская. — М., 1987. — С. 274.
4. *Ершова В.М.* О.А. Добиаш-Рождественская / В.М. Ершова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — 113 с. — [Список основных трудов О.А. Добиаш-Рождественской — С. 104—110; Перечень основных публикаций о ней — с. 5—6].
5. *Жидков Г.П.* «Красное колесо» А. Солженицына глазами историка / Г.П. Жидков // Отечественная история. — 1994. — № 4—5. — С. 216—221.
6. *Ключевский В.О.* Отзывы и ответы. — Пг., 1918. — Т. 3. — С. 360.
7. *Лакшин В.Я.* «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное (1953—1964) / В.Я. Лакшин. — М., 1991. — С. 144.
8. *Мордовцев Д.Л.* Видение в Публичной библиотеке: исторический сон / Д.Л. Мордовцев // Исторический вестник. — 1884. — Т. 16, апр. — С. 23—33.
9. Отечественная история. — 1992. — № 3. — С. 107—108.
10. *Паламарчук П.Г.* Александр Солженицын: Путеводитель / П.Г. Паламарчук. — М., 1991. — С. 57.
11. *Решетовская Н.В.* Александр Солженицын и читающая Россия / Н.В. Решетовская. — М., 1990. — С. 138, 141—143, 168.
12. *Скржинская Е.Ч.* О.А. Добиаш-Рождественская как учитель науки / Е.Ч. Скржинская // О.А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского средневековья: научное наследие. — М., 1987. — С. 299.
13. *Солженицын А.И.* Бдтался теленок с дубом / А.И. Солженицын // Новый мир. — 1991. — № 6. — С. 47—48.
14. *Он же.* Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках: [в 4 узлах: историческая эпопея] / А.И. Солженицын. — Paris: Imca-Press, 1985—1989.
15. *Он же.* Красное колесо: узел II / А.И. Солженицын. — М., 1993. — Т. 3. — С. 235; Узел III // Новый мир. — 1992. — № 11. — С. 16—18.
16. *Он же.* Красное колесо: узел IV / А.И. Солженицын // Новый мир. — 1992. — № 12. — С. 96—99.
17. *Он же.* Красное колесо: узел. I / А.И. Солженицын. — Париж, 1983. — С. 461—465.
18. *Он же.* Красное колесо: узел II / А.И. Солженицын. — Париж, 1983. — С. 355—356, 382, 386, 387, 396, 400—408, 443—447, 450—451, 456—458, 465.
19. *Он же.* Письмо А.Я. Разумову. Июль 1995 года / А.И. Солженицын // Личный архив А.Я. Разумова.
20. *Философов Д.В.* Дневник (17 января — 30 марта 1917 г.) / Д.В. Философов // Звезда. — 1992. — № 3. — С. 149.
21. *Фриш С.Э.* Сквозь призму времени: Воспоминания / С.Э. Фриш. — М., 1992. — С. 237.
22. *Чехова Е.Н.* Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская / Е.Н. Чехова // НИОР РНБ. — Ф. 254. Ед. хр. 480.
23. Там же. — Л. 24.